

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев М. А., Кафаров Т. Э.* Межнациональные отношения: некоторые аспекты их стабилизации. Махачкала, 1994. С. 19.
2. Известия. № 36. 12 февраля 1957 года.
3. О действиях отдельных лиц чеченской национальности и задачах по усилению интернационального воспитания населения: Справка Обкома КПСС от 14 августа 1985 года. (Из личного архива Ш. Р. Рамазанова)
4. ЦГА РД Ф. р-352. ОП. 15 с. Д. 1. Л. 4–7.
5. ЦГА РД Ф. 1-п. ОП. 1. Д. 6049. Л. 13.
6. ЦГА РД Ф. р-352. ОП. 2. Д. 9н. Л. 29.
7. ЦГА РД Ф. р.-352. Оп. 2. Д. 9п. Л. 2.
8. ЦГА РД Ф. р.-352. Оп. 2. Д. 9п. Л. 4.
9. ЦГА РД Ф. р-168. Оп. 34. Д. 923. Л. 171–173
10. ЦГА РД Ф. р-168. Оп. 34. Д. 927. Л. 427–429
11. ЦГА РД Ф. р.-352. Оп. 34. Д. 973. Л. 152.
12. ЦГА РД. Ф. р.-168. Оп. 52. Д. 195. Л. 269–277.
13. *Шахшаев Д. Г., Гасанов Н. Н.* Республика Дагестан: Социально-политические проблемы. Махачкала, 1996. С.15.

REFERENCES

1. *Abdullaev M. A., Kafarov T. E.* Mezhnacional'nye otnoshenija: nekotorye aspekty ih stabilizacii. Mahachkala, 1994. S. 19.
2. Izvestija. № 36. 12 fevralja 1957 goda.
3. O dejstvijah otdel'nyh lic chechenskoj nacional'nosti i zadachah po usileniju internacional'nogo vospitanija naselenija: Spravka Obkoma KPSS ot 14 avgusta 1985 goda. (Iz lichnogo arhiva S. R. Ramazanova)
4. CGA RD F. r-352. OP. 15s. D. 1. L. 4–7.
5. CGA RD F. 1-p. OP. 1. D. 6049. L. 13.
6. CGA RD F. r-352. OP. 2. D. 9n. L. 29.
7. CGA RD F. r.-352. Op. 2. D. 9p. L. 2.
8. CGA RD F. r.-352. Op. 2. D. 9p. L. 4.
9. CGA RD F. r-168. Op. 34. D. 923. L. 171–173
10. CGA RD F. r-168. Op. 34. D. 927. L. 427–429
11. CGA RD F. r.-352. Op. 34. D. 973. L. 152.
12. CGA RD. F. r.-168. Op. 52. D. 195. L. 269–277.
13. *SHahshaev D. G., Gasanov N. N.* Respublika Dagestan: Social'no-politicheskie problemy. Mahachkala, 1996. S. 15.

В. Г. Хандорин

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ
ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена анализу эволюции позиций кадетов Сибири по вопросам религии и национальной ментальности в период революции и гражданской войны. На материалах съездов и конференций партии, кадетской периодической печати и архивных документов анализируются усиление внимания кадетов к особенностям национальной ментальности, поворот в сторону церкви, наиболее отчетливо проявившийся в период диктатуры А. В. Колчака, и их причины.

Ключевые слова: либерализм в Сибири, революция и Гражданская война, Православная Церковь и национальная ментальность.

V. Khandorin

VIEWS' EVOLUTION OF SIBERIAN CONSTITUTIONAL DEMOCRATS ON THE ISSUES OF RELIGION AND NATIONAL MENTALITY DURING REVOLUTION AND CIVIL WAR

The article is presents an analysis of the evolution of the Siberian Constitutional Democrats' positions concerning religion and national mentality in the period of the Revolution and the Civil War. Based on the analyses of the materials of congresses and conferences of the party, Constitutional Democrats' periodical press and archival documents a conclusion is drawn about the strengthening of Constitutional Democrats' attention to the features of national mentality, their shift toward the church, these features being mostly manifested during the time of A. V. Kolchak's dictatorship.

Keywords: Liberalism in Siberia, Revolution and Civil War, Orthodox Church and National Mentality.

Политическое бессилие российской демократии, наглядно проявившееся после Февральской революции 1917 г. перед лицом кризиса и анархии, поколебало основы мировоззрения кадетской партии, зжившиеся на либерально-западническом позитивизме и рационалистическом отношении к религии. Особенно зримо это проявилось среди кадетов Сибири, до революции в большинстве своем находившихся на левом фланге партии и тяготевших к союзу с социалистами. Уже в критические летние месяцы 1917 г. симптомы разложения фронта и тыла, дестабилизации положения в стране заставили многих из них размышлять о национальной ментальности. Пытаясь раскрыть природу большевизма и секрет его влияния на массы, омские кадеты цитировали Н. А. Бердяева: «Русская социал-демократия хотя и сложилась теоретически под влиянием германской и находится у нее в рабстве, но носит на себе специфически русские, совершенно восточные черты... Русский большевизм и максимализм есть порождение азиатской души... Идея Интернационала есть болезненное классовое извращение и искажение великой идеи единства человечества и братства народов... Всечеловечность... не есть утрата и упразднение национальностей... У русских есть добродетели, которые опаснее пороков, есть какой-то расслабляющий морализм, есть что-то овечье. Слабость характера и овечьи добродетели — благоприятная почва для всяческой демагогии» [1. 1917. 17

июня]. Характерно, что в этом отрывке проглядывает попытка приписать народу грехи российской интеллигенции. Ведь если кому и был свойствен «расслабляющий морализм», то в первую очередь ее представителям и кумирам, от Толстого и Достоевского до Чехова.

Характерно и такое наблюдение, сделанное на основе роста антивоенных настроений: «Одна из удивительных и печальных особенностей русской революции состоит в том, что... великороссы обнаружили в своей массе почти полное отсутствие не только всероссийского, но и просто национального великорусского чувства» [1. 1917. 17 июня].

Омский кадетский журналист А. Руссов указывал, что распространенное среди русской интеллигенции «преклонение перед страданиями родного народа» привело к нетипичному для западных интеллектуалов романтическому «народопоклонству». Объясняя это психологией русского человека, его эмоциональной отзывчивостью, он отмечал, что в условиях авторитарного царского режима «народопоклонство» развилось в своего рода религию, «творившую чудеса, посылавшую... на каторгу и в ссылку, в тюрьму и на виселицу».

Однако в ходе революции жизнь развеяла сентиментальные иллюзии: «народ оказался сложнее», чем представляла его себе интеллигенция, и тогда она растерялась, не зная, что делать [1. 1917. 30 сент.].

Тенденция отрезвления от безоговорочного преклонения перед народом, дань которому отчасти отдали в свое время и кадеты (хотя и в гораздо меньшей степени, нежели эсеры и иные социалисты), постепенно нарастала в их среде. В резких тонах писали об этом иркутские кадеты: «Более полустолетия русская интеллигенция воспевала народ в стихах и прозе как нечто бесконечно доброе, чистое, светлое, могучее... И вот лик этот понемногу начал проявляться... Это бесконечное варварство, дикость, злоба, беспощадность и бессмысленность... Жгут на кострах Толстого, Герцена, Достоевского, исчезают с лица земли культурные хозяйства... Господа интеллигенты-народники, покаемся всенародно — это наш грех... ибо и в Священном Писании сказано: не сотвори себе кумира». И делали вывод: «Пора понять, что народу нужно просвещение, нужна дисциплина, нужно руководство честное, твердое, а... не потворство его страстям» [2. 1917. 6 окт.].

Осознание необходимости учета национальной ментальности привело кадетов к переоценке роли и значения религии уже на IX-м партийном съезде в июле 1917 г. Если прежняя программа партии предусматривала отделение церкви от государства, то в новой ее редакции говорилось о Русской Православной Церкви как о государственном институте публично-правового характера, помощь которому со стороны государства будет оказываться как господствующей в нем религии [3. 1917. 28 июля]. Ранее кадеты в большинстве относились к ней с традиционным для интеллигенции безразличием (в противоположность октябристам). Теперь, во многом под влиянием объединения с ними после Февральской революции, но еще больше — под впечатлением коллапса российской демократии, произошла переоценка ценностей. В этой же программе церкви предоставлялось самоуправление через посредство поместных соборов (при этом в рамках свободы совести церковная регистрация браков заменялась гражданской).

Однако до Октября 1917 г. большинство кадетов все же продолжало отдавать приоритет традиционным для партии западным

стандартам. Иркутская кадетская газета «Свободный край» в редакционной статье «Революция и самобытность», отождествляя положение в России с анархией первых лет Французской революции, писала: «Что же касается самобытности, то пока забудем о ней, ибо все разумное, вечное, светлое пришло к нам с Запада, а те пережитки самобытности, которые еще крепко сидят в нашем русском нутре, мы должны изжить. И чем скорее, тем лучше» [2. 1917. 5 ноября].

Процесс переоценки национальных ценностей получил развитие после Октябрьского переворота и утверждения у власти большевиков. Среди сибирских кадетов возобладало правое направление с центром в Омске, склонявшееся к типичному для дореволюционных октябристов мнению о существенном отличии исторического пути России от Запада. Они поддержали идеи П. Б. Струве, констатировавшего, что революция обернулась для России национальным банкротством и мировым позором, в чем он усматривал и вину интеллигенции [4, с. 279]. Подхватывая эти мысли, омский кадетский лидер В. А. Жардецкий противопоставил эсеровскому лозунгу «Все для народа, все через народ!» лозунг: «Все для России, все через культуру!» [1. 1918. 23 июня].

После падения советской власти в Сибири летом 1918 г. в центре внимания кадетов, наряду с вопросами государственного строительства, находились поиски его духовной, идеологической основы. Принципиальное значение имело изменение отношения к религии. Когда эсеровское большинство Иркутской городской думы в 1918 г. отменило преподавание Закона Божьего в начальных школах (с формулировкой: «как противоречащего научному изучению природы»), местные кадеты резко осудили такое решение как негосударственное, а их лидер Н. Н. Горчаков назвал его инициаторов «достойными коллегами большевиков» и «демагогами» [5, л. 458–459].

Поворот сибирских кадетов к духовным национальным началам достиг апогея в период диктатуры А. В. Колчака (ноябрь 1918 — январь 1920 гг.), главной политической опорой которого стала кадетская

партия. Развивая тему ответственности интеллектуальной элиты страны, рупор Восточного отдела ЦК партии газета «Сибирская речь» указывала, что прежнее расхожее суждение о «грехе интеллигенции перед народом» должно быть заменено выводом о «грехе интеллигенции перед Родиной» [1. 1919. 10 авг.]. Не раз указывала газета и на то, что важнейшей идейной предпосылкой большевизма с его материалистическим культом была слабость духовных начал в среде интеллигенции, ее «фанатичное, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом» [1. 1919. 12 марта].

Обращалось внимание в кадетской прессе той поры и на свойственную российской интеллигенции психологическую неустойчивость в политической борьбе. «Характерной чертой русского интеллигента, — писал «Свободный край», — всегда была крайность настроений. Мы не знаем середины: или впадаем в самый мрачный пессимизм, или пребываем в телячьем восторге. К длительному, ровному напряжению, к упорному и настойчивому проведению своей линии мы всего менее склонны. Мы или опускаем беспомощно руки, или бестолково размахиваем ими в воздухе» [2. 1919. 20 июня].

Развивая мысль о приоритете национального начала над социальным, «Сибирская речь» писала: «Мы много смеялись над немецким лозунгом «Германия превыше всего», а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство... Мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище». Пытаясь соединить традиционное для кадетов западничество с национализмом, газета утверждала, что одно не противоречит другому, если рассматривать их как соединение двух здоровых прагматических начал. Говоря о моральном кризисе, переживаемом русской интеллигенцией после революции, призывая ее изжить неверие и пессимизм, кадеты провозглашали: «Спасение от них — только в национализме, который один может одухотворить и нашу полуумершую литературу» [1. 1918. 4 сент.].

Теперь идеологи сибирских кадетов ставили в вину русской интеллигенции прежний,

в значительной степени космополитический и строго демократический курс, до революции разделявшийся ими самими. При этом у них хватало честности и мужества не снимать с себя ответственности за это. Видный деятель Восточного отдела ЦК кадетской партии Н. В. Устрялов в статье «Большевики и мы» обличал традиционное интеллигентское мирозерцание: «Длительная невозможность практической деятельности в сфере общественно-политической воспитала в широких интеллигентских кругах одностороннюю «теоретичность», близорукую влюбленность в программы и отвлеченные идеалы... Поверхностный, банальный и устаревший позитивизм в качестве основы общественного мирозерцания, дешевая религия прогресса в стиле Конта и Фейербаха» довели над большинством дореволюционной интеллигенции, а в радикальных ее кругах привели к увлечению социализмом. Итогом, по его словам, стало попустительство «антигосударственным элементам», когда интеллигенция своей приверженностью к демократии сама расчистила дорогу к власти большевикам. В заключении статьи Устрялов писал: «Окончательная победа над большевизмом — в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого... в отказе от прежней системы идей, чувств и действий... Русская интеллигенция должна сказать большевизму: «Я тебя породила, я тебя и убью» [1. 1919. 12 апр.].

Отношение кадетов к церкви оставалось неоднозначным. Признавая ее морально-воспитательное значение, выступая за сохранение Закона Божьего в школах и за тесный союз с церковью в антибольшевистской борьбе, они вместе с тем не считали необходимым для себя полностью принимать традиционные, весьма консервативные установки православия. Иркутский кадетский лидер Н. Н. Горчаков в ответ на упрек в адрес партии в «безрелигиозности» возразил: «Разве религия — партийное дело?» [2. 1919. 25 мая].

При этом они отводили религии роль необходимого связующего звена между интеллигенцией и народом. Называя революцию «страшным судом над интеллигентщиной»,

вынудившим ее обратить взоры к «царству Духа, а не Материи», «Сибирская речь» заявляла: «Самый простой путь для того, чтобы перебросить мост от интеллигента к крестьянину, лежит через религию (выделено нами — В. Х.)» [1. 1919. 22 марта].

Довольно прозрачно формулировала кадетская пресса и ту функцию церкви, которую еще Вольтер охарактеризовал как «узду для народа»: «Церковь — фактор, организующий дух народа, делающий народ дисциплинированным, лишенным свойств зверя» [1. 1919. 7 мая]. И эту организующую роль церкви и религии многие из сибирских кадетов были склонны расценивать значительно выше, чем нравственную.

Официальная позиция кадетской партии по вопросу о церкви выразилась в п. 15 «тактической» резолюции 3-й Восточной партконференции, состоявшейся в мае 1919 г. в Омске. Она гласила о поддержке Православной Церкви как «хранительницы исторического бытия духовного лица России» при соблюдении свободы совести [1. 1919. 28 мая; 2. 1919. 29 мая]. Кадеты поддержали отмену советского декрета об отделении церкви от государства, ассигнования правительства А. В. Колчака из государственного казначейства на содержание Высшего временного церковного управления в Омске, восстановление преподавания в школах Закона Божьего (правда, идя навстречу требованиям свободы совести, колчаковское правительство разрешило освобождать от его изучения по заявлениям родителей учеников, а с 16 лет — по желанию самих учеников).

С другой стороны, кадеты выступали против прямого, непосредственного участия церкви в политике. Поводом к обсуждению этого вопроса послужила деятельность епископа Уфимского Андрея, вопреки мнению Временного высшего церковного управления, выступавшего за организацию «народной православно-приходской партии» и активное внедрение церкви во все сферы общественной жизни с целью повышения влияния на народные массы. Позицию кадетов по данному вопросу выразила «Сибирская речь»: «Христианство прежде всего имеет дело с индивидуальной

человеческой душой, — писала она, — вопросы экономики и политики как таковые не должны и не могут интересовать церковь. Они приобретают для нее значение лишь как факторы производные... Для государства область экономики и политики самое ценное и важное, для церкви — это лишь случайный элемент, с которым ей приходится только частично соприкасаться». Отвергая ссылки епископа Андрея на раннее христианство, где экономическая деятельность церковных общин играла существенную (но опять же второстепенную) роль, центральная кадетская газета Сибири отмечала, что в этих общинах были представлены люди, спаянные общими духовными ценностями, тогда как уфимские приходы вовлекали в свою предпринимательскую деятельность всех желающих, «опускаясь в область чисто материальную, далекую и даже противоположную всякой духовности». «Здесь уже несомненная подмена хлеба духовного хлебом насущным», — заключала газета, — попытка прельщать возможностью получить из приходских организаций дешевый хлеб» [1. 1919. 22 мая]. Позиция сибирских кадетов совпадала с мнением колчаковского правительства и его Высшего временного церковного управления во главе с архиепископом Омским Сильвестром.

Надежды сибирских кадетов на помощь церкви и религии усиливаются в критический период лета и осени 1919 г., когда армия Колчака понесла серьезные поражения, но еще сохраняла относительную прочность. Все чаще в их среде звучало мнение, что влияние церкви может оказаться важнее всего остального, включая даже помощь Антанты, поскольку может обеспечить духовное возрождение народа, его возврат к «корням». Еще резче, чем раньше, бичевались традиционный интеллигентский атеизм и «академическое» западничество. «Интеллигентский охлос, — писал омский кадетский публицист А. Руссов, — не чувствует сердцем истока воды живой... В то время как крестьянин русский и даже мусульманин поднимает знамя веры, один — святой крест, другой — полумесяц, интеллигенция предпочитает щеголять в гнилых, рваных

одеждах «культуры и права»... Народ рассматривается ею сквозь старый хлам книжных доктринерских понятий... И когда крест в его мозолистой руке одолеет всю нечисть и нежить, когда история наденет на него венец победы и воскреснет Святая Русь, интеллигент пойдет в хвосте за победителем» [1. 1919. 27 сент.]. Кадетский лидер В. Н. Пепеляев на посту министра внутренних дел Российского правительства А. В. Колчака и члена Совета Верховного правителя осенью 1919 г. содействовал организации военных добровольческих дружин Святого Креста под религиозными лозунгами. Он писал: «Раньше некоторые министры советовали мне не связывать своего имени с этими «черносотенцами» и их движением. Я же предпочитаю связывать» [6, л. 115]. Впрочем, практические результаты этой деятельности были невелики: в сумме «дружины Святого Креста» и мусульманские «отряды Зеленого Знамени» составили всего одну регулярную дивизию.

Идеологическая роль кадетской партии при режиме А. В. Колчака была огромной, во многом определяющей. Необходимость разработки полноценной новой национальной идеологии осознавалась как военными вождями Белого движения, так и сибирскими кадетскими лидерами. «Сибирская речь» писала: «Творческая работа в области

создания этой единой и сильной идеологии — таковы текущие задачи русской интеллигенции» [1. 1919. 18 июня]. Однако выработать такую идеологию, которая могла бы стать альтернативой большевизму в глазах широких масс народа, на практике не удалось. Во многом из-за того, что слишком велик был груз прежних западных воззрений. И в еще большей степени — по той причине, что ни военные лидеры, ни окружавшие их политические интеллектуалы не сумели решительно повернуть навстречу нуждам народа. На практике в интересах консолидации разрабатывали не идеологию, которая имела бы под собой прочную духовную основу и могла бы спланировать, а всего лишь программу, основанную на компромиссе, который никого по-настоящему не удовлетворял.

Таким образом, в эволюции базовых основ мировоззрения в сторону поисков национальных начал проявился общий дрейф кадетов Сибири вправо под влиянием событий 1917 г., выявивших полную несостоятельность демократических западных моделей управления в экстремальной обстановке и в отсутствие в стране соответствующих традиций. Такой поворот имел прагматичное содержание, но остался незавершенным ввиду наступившего вскоре военного краха Белого движения в Сибири и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сибирская речь. Омск, 1917.
2. Свободный край. Иркутск, 1917.
3. Речь. Пг., 1917.
4. *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. — М.: Пг., 1918. 298 с.
5. ГА ИО (Гос. архив Иркутской обл.). Ф. 70 (Иркутская городская дума). Оп. 4. Д. 524.
6. ГА НО (Гос. архив Новосибирской обл.). Ф. д-158 (В. Н. Пепеляев, А. Н. Пепеляев). Оп. 1. Д. 2.

REFERENCES

1. Sibirskaja rech'. Omsk, 1917.
2. Svobodnyj kraj. Irkutsk, 1917.
3. Rech'. Pg., 1917.
4. *Struve P. B.* Istoricheskiy smysl russkoj revoljucii i nacional'nye zadachi // Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revoljucii. M.; Pg., 1918. 298 s.
5. GA IO (Gos. arhiv Irkutskoj obl.). F. 70 (Irkutskaja gorodskaja дума). Op. 4. D. 524.
6. GA NO (Gos. arhiv Novosibirskoj obl.). F. d-158 (V. N. Pepeljaev, A. N. Pepeljaev). Op. 1. D. 2.